

Дэвид Прайс

ОТКРЫТО

Как мы будем жить, работать
и учиться

OPEN

How we'll live, work and learn in the future

David Price

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Исак Фрумин. Наше будущее в наших руках уже сегодня</i>	vii
Предисловие автора к русскому изданию	x
Предисловие	1
Глава первая. Состояние дел	7
Глава вторая. Так что значит «открытый»?	27
Глава третья. Почему мир становится SOFT?	49
Глава четвертая. Глобальное обучающее пространство	87
Глава пятая. Вовлеченность	105
Глава шестая. Открытое обучение в обществе	119
Глава седьмая. Открытое обучение на работе	145
Глава восьмая. Открытость в образовании	181
Глава девятая. Открытость и вы	221
Благодарности	253
Именной указатель	257
Предметный указатель	259
Указатель компаний, организаций, движений	263
Библиография	266

Наше будущее в наших руках уже сегодня

Читая биографии великих и простых людей, я всякий раз радуюсь, обнаруживая «события обучения». И всякий раз удивляюсь, понимая, что эти события происходят вне формальных институтов образования, к которым принадлежали эти люди. Так было и со мной. Думаю, что главные навыки и ценности я получил не в школе, не в классной комнате, а в экспедициях, куда посчастливилось попасть, в пионерском лагере, в заочной школе.

Поэтому книга, которую вы открыли, для меня только выглядит пугающе новаторски. Как будущее она описывает то, в чем немногие счастливицы живут и учатся уже давно. Но описывает его так вкусно, так энергично, что понимаешь неизбежность этого открытого мира.

Видимо, именно таковы по-настоящему сильные тренды. Они рождены давно; они становятся массово привлекательными сейчас; они позволяют не только предсказывать будущее, но совместными усилиями создавать его прямо сейчас.

Дэвид Прайс, автор книги «Открыто. Как мы будем жить, работать и учиться», предлагает нам картину будущего, в которой образование, бизнес и общественная жизнь устроены новым и необычным для нас образом. Они основаны на принципах открытости, вовлеченности, организации новых общин и нового отношения к ценностям.

Прайс указывает на ростки этого будущего в нашей действительности, представляет игроков, которые уже сейчас меняют

свою деятельность в соответствии с новыми принципами, и предлагает практические рекомендации для подготовки к изменениям.

Эта книга полезна предпринимателям — она дает рекомендации о том, как действовать на рынке, где установятся новые принципы, и отвечает на вопросы, которые являются ключевыми для бизнеса будущего:

- Как повысить эффективность и креативность работников?
- Как это сделать, стимулируя не работу, а обучение?
- Как и зачем делать свой бизнес открытым?
- Насколько важны будут моральные ценности и доверие в ведении бизнеса?
- Зачем будет нужна корпоративная культура, и как ее модернизировать?
- Как лучше всего управлять информацией?

Еще полезнее эта книга для деятелей образования — ведь это та сфера, в которой необходимы перемены. Вовлеченность и открытость в образовании сделают его более эффективным, а система тотального регулирования, описанная Фуко, должна остаться в прошлом.

Рекомендации Прайса для организации открытого обучения можно воплощать в жизнь уже сейчас, так как с проблемами, на решение которых они направлены, мы уже столкнулись: это и недостаточное вовлечение учеников (и что еще важнее, учителей) в процесс обучения, и формальность образования, и подмена обучения подготовкой к тестированиям и экзаменам, и изолированность школы от реального мира.

Решать эти проблемы Прайс предлагает путем радикального пересмотра методов работы образовательных организаций. Изменения должны быть направлены на увеличение открытости,

автономии и неформальности образования, на создание образовательных общин, повышение роли ценностей и культуры.

Советы разнятся от абстрактных и обобщенных: «позвольте учителям стать „проектировщиками знаний“» — до вполне практических: «не позволяйте преподавателям ставить парты рядами», «не разрешайте учителям планировать уроки на конец дня».

Картина будущего, которую предлагает Прайс, делает эту книгу полезной для каждого из нас — ведь принципы открытости и вовлеченности проникнут во все сферы общественной жизни. Пример открытого образования показателен: оно требует участия не только школы и учителей, но и всего окружения учащегося (а особенно его родителей), всех, кто непосредственно заинтересован в обучении, и всех, кто способен влиять на образовательную политику, будучи избирателем и налогоплательщиком.

И, конечно, эту книгу можно рекомендовать тем, кто занимается государственным управлением и планированием. К сожалению, в последнее время они все больше смотрят назад, но я верю, что это ненадолго. Государственному сознанию придется вернуться к прогнозированию и пониманию будущего, к оценке настоящего из дальней перспективы. Например, Прайс указывает, что избавление от современной «одержимости экзаменами» может стать задачей для «смелого министра образования».

Идеи и рекомендации Дэвида Прайса помогут читателям строить свою собственную картину будущего и планировать на ее основе свои действия, а может быть, вдохновят некоторых на конструирование новых практик в ведении бизнеса, в получении или организации образования или в любой другой деятельности по созданию мира будущего.

Исак Фруммин,
*научный руководитель Института
образования Высшей школы экономики*

Предисловие автора к русскому изданию

Когда книга, которую вы сейчас держите в руках, впервые увидела свет (ноябрь 2013 года), я еще не был вполне уверен, являются ли социальные тенденции и форматы деятельности, о которых я упоминал, простым «движением по кругу», сменной циклов — или за ними стоят какие-то более глубинные процессы. «Смена парадигмы» — избитое выражение, но если мы подразумеваем под ней иной способ видения мира, то реакция на эту книгу читателей, а также последующие события позволяют мне предположить, что на мир действительно можно смотреть совсем по-другому.

Хотя попытки развернуть широкий обмен знаниями (как и ограничить таковой), осуществляемые повсюду в мире, являются противоречивыми и в обозримом будущем такими и останутся, благоприятный момент для них явно наступил. Если вы читаете эти строки в 2025 году, соответствующее процветание Apple (защитников секретности) или Google (поборников открытости) покажет, кто из них сделал правильный выбор. Похоже, что все больше компаний признают необходимость — как моральную, так и экономическую — стать «полностью прозрачными». Сегодняшние успешные организации имеют четко определенные стратегии в отношении корпоративной ответственности: этого ожидают их клиенты. Для внутренних целей они публикуют зарплаты сотрудников: таково условие сохранения толковых работников. Эти социально ориентированные компании не говорят *от имени*

сотрудников, клиентов и заинтересованных сторон — они говорят с ними.

Стремление к открытости, однако, свидетельствует и о чем-то большем. Оно свидетельствует о том, что вы разделяете настоятельное желание людей — таких, как вы и я, — которое красной нитью проходит через эту книгу. Я страстно верю, что это желание свободно обмениваться идеями, знаниями и мнениями способно улучшить мир. Ради такой великой цели стоит чем-то рискнуть.

Когда эта книга готовилась к публикации, Илон Маск, генеральный директор Tesla Motors, компании-первопроходца и лидера на рынке электромобилей с высокими эксплуатационными характеристиками, принял смелое решение. В интересах ускорения появления экологического транспорта он сделал общедоступными все патенты на свои уникальные технологии производства транспортных средств. Причины такого поступка он изложил в блоге компании: *«Создавая свою первую компанию, Zip2, я думал, что патенты — это хорошо, и упорно трудился, чтобы получить их. Может быть, раньше это так и было, но в наши дни слишком часто патенты сдерживают прогресс, укрепляя позиции гигантских корпораций и обогащая юристов, а не фактических изобретателей»*.

Компания Tesla не одинока в стремлении уничтожить интеллектуальную собственность. В этой книге мы расскажем о действиях транснациональных корпораций вроде IBM, Proctor&Gamble и Google, которые перешли к открытости по одной простой причине: темпы инноваций, необходимые для конкуренции на мировом рынке, требуют выхода вовне, установки на внешнее сотрудничество. Проще говоря, преимущества работы с массой внешних инноваторов и предпринимателей намного перевешивают издержки.

Большинство примеров, представленных в книге, взяты из жизни предприятий (компаний) и учебных заведений англоговорящих стран Запада. А как обстоят дела в странах с развивающейся экономикой — такой, как в странах БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай)? Я склонен утверждать, что для любой из развивающихся экономик будет трудно воспользоваться большинством новых возможностей в области знаний и информации, не сделав открытость новым способом производства и познания. В условиях глобализации рабочей силы борьба за молодые таланты — все чаще являющиеся ключевым фактором успеха — будет выиграна теми, кто обеспечит легкий доступ к информационным сетям и свободу коммуникации. Страны БРИК не всегда имели хорошую репутацию в этих областях; они исторически страдали от коррупции, отсутствия прозрачности и недостаточной корпоративной ответственности. Но ситуация меняется. Темпы изменений в развивающихся странах могут быть более медленными, но направление движения останется тем же самым. Внедрение инновационных идей подпитывает экономику знаний, и она может процветать только в открытых средах.

Страны БРИК также осознают необходимость уделять первостепенное внимание трансформации образования, чтобы быть способными конкурировать с Соединенными Штатами, Великобританией и Европой. Признавая недостаточность моделей обучения 19-го века для подготовки молодых креативных предпринимателей, они отказываются от традиционных методов обучения и все больше используют новые технологии. Если эти страны смогут сделать свои системы обучения открытыми, перед ними откроется прекрасная возможность: миновать модели 20-го столетия, которые широко используются из-за принятой на государственном уровне установки «назад, к основам», и совершить прыжок в век 21-й.

Главная мысль книги состоит в том, что и деловые предприятия, и учебные заведения применяют устаревшие модели коммуникаций и социального взаимодействия. Наши предприятия и учебные заведения демонстрируют тенденцию к открытости, потому что их сотрудники и студенты используют ее в своей социальной жизни и все чаще хотят делиться тем, как они работают или учатся. Темпы внедрения инноваций в таких странах, по нашему представлению, являются более быстрыми, чем в странах, где социальное взаимодействие менее распространено. Так, использование социальных медиа в скандинавских странах в среднем составляет 60%; в России же социальные медиа используют 33% — несмотря на то, что в России больше пользователей мобильных устройств, чем в любой другой европейской стране.

Выступая перед различными аудиториями после выхода этой книги на языке оригинала, я просил поднять руки тех, кто пользовался социальными медиа на прошлой неделе, чтобы поделиться знаниями или приобрести таковые, — поднималось в среднем шесть—десять рук. Стоит отметить это удивительное явление: ведь 10 лет назад почти никто в аудитории не мог бы поднять руку. Но поскольку производство и распространение знания так обычны сегодня, мы едва ли задумываемся над этим. Вот как изменился мир, в котором мы живем.

И хотя наша планета сталкивается со многими вызовами (не в последнюю очередь — нашего выживания как вида), общий тон этой книги оптимистичен. Почему? Потому что миллиарды людей сегодня участвуют в создании персональных образовательных сетей, в которые входят жители различных городов и регионов, фактически из всех уголков земли. С помощью этих сетей мы приобретаем больший контроль над нашими жизнями; мы самоорганизуемся так, что от нас уже нельзя отмахнуться; мы демократизируем обучение так, чтобы был слышен каждый голос; мы начинаем решать проблемы творчески.

Действуя таким образом, мы бросаем вызов власти и ее институтам; мы заставляем работодателей переосмыслить многие аспекты, связанные с работой; мы требуем, чтобы корпорации несли социальную ответственность; мы противопоставляем так называемым экспертам житейскую мудрость народных масс; мы настаиваем на новых формах капитализма и представительной демократии.

И если мы добились столь многого в столь сжатые сроки, представьте себе, чего мы сможем достичь в дальнейшем.

*Дэвид Прайс,
апрель 2015 года*

Предисловие

13 августа 1999 года, пятница. Три часа ночи. Я намертво застрял в самой длинной в истории Англии автомобильной пробке, и у меня сердечный приступ. Я не любитель драматических эффектов, но в придачу ко всему на заднем сиденье машины сидели два моих маленьких сына. Я не мог оставить их и отправиться на поиски помощи. Никогда впредь я не смеялся над «пятницей, 13-м».

В груди у меня все сжималось, каждый вдох давался с трудом, а сердце колотилось как сумасшедшее. Оно билось так быстро, что после двухсотого удара я оставил попытки сосчитать пульс. Каким-то образом мне удалось продержаться еще два часа, за которые я все-таки дополз до дома и смог вызвать «скорую».

После того как доктор дала мне успокоительное, она объяснила, что по сути это не являлось сердечным приступом, хотя все признаки вроде бы указывали на него. Это был приступ какой-то «мерцательной аритмии», и лучше бы мне начать к ней привыкать, потому что в будущем она может повториться. Так оно и случилось. Вот только докопаться до ее причин оказалось не так-то просто. Поскольку несколько лет я бегал марафонские дистанции, да и потом не забросил тренировки, врачи ошибочно диагностировали у меня «спортивное сердце» — временное незначительное увеличение массы миокарда.

В конце концов стало понятно, что я генетически унаследовал гипертрофическую кардиомиопатию. Доктор вскользь обмолвился, что один из факторов риска при этом заболевании — «внезапная смерть», так что мне следовало избегать тяжелых нагрузок.

К этому моменту я уже открыл для себя поисковик Google, так что следующие две недели провел, воображая, как свалюсь замертво где-нибудь на улице; если вы наберете в поисковике «гипертрофическая кардиомиопатия», вы поймете, что я имею в виду. Впрочем, после того как доктора сказали мне, что благодаря моим трехчасовым марафонам я скорее всего нахожусь в группе наименьшего риска, я немного расслабился.

Однако приступы случались со мной все чаще, и поскольку при этой болезни предсердия не могут перекачивать кровь должным образом, мне сказали, что мерцательная аритмия станет моей постоянной спутницей. Казалось, что мне — так же как и моему отцу — суждено пережить несколько ударов и стать калеккой.

Я рассказываю вам историю своей болезни совсем не для того, чтобы пожаловаться на жизнь. Я делаю это потому, что в ходе последующих событий столкнулся с едва ли не самым запоминающимся познавательным опытом в своей жизни. Это живое воплощение совокупности социальных феноменов, радикально меняющих привычный нам образ жизни.

Дело в том, что я наткнулся на интернет-форум страдающих гипертрофической кардиомиопатией.

Я знаю, вы подумали: «И только-то?» Из-за того что эти группы взаимопомощи стали настолько распространенными, мы практически перестали задумываться о том, насколько сильное влияние они оказывают едва ли не на всех, кто пользуется Интернетом. Однако представьте себе на минуту участь перепуганного пациента, только что узнавшего свой диагноз, в эпоху до появления форумов. Чтобы узнать хоть что-то о своей болезни, он мог лишь перелистать устаревшую медицинскую энциклопедию, а в остальном полностью зависел от докторов. Возможность узнать что-то о своей болезни от тех, кто тоже ею страдает, часто ограничивалась обрывками разговоров в приемной врача. Даже на консультацию у стороннего специалиста смотрели косо.

Что касается меня, то мне удалось снизить частоту приступов с почти ежедневных до примерно одного в год — благодаря щедрости людей, открыто делившихся своими знаниями и опытом, чтобы помочь другим и самим узнать что-то новое.

Помочь незнакомому человеку хотя бы немного — обычное дело для форумов, подобных тому, на который я зашел. Они происходят так часто, что перестают согревать наши сердца, мы больше не считаем их чудом, а ведь они и вправду — чудо.

То, с чем я столкнулся на форуме по мерцательной аритмии, — всего лишь один пример из сотен тысяч. Думая о каждом из них в отдельности, мы считаем их абсолютно в порядке вещей. Вместе, однако, они представляют собой общественное движение, затрагивающее практически каждый аспект нашей жизни. То, как мы общаемся друг с другом, делимся друг с другом знаниями, учимся друг у друга, радикально меняется. Оставаясь в своих скорлупках, мы переходим в состояние «открытости».

Открытая революция

Процесс «открывания» — это социальная революция, которая бросает вызов устоявшемуся порядку вещей; ее нельзя проигнорировать. Она разрушает и меняет все на своем пути, так что возврат к прежнему невозможен. Но, как и в любой революции, здесь есть выигравшие и проигравшие.

Выиграли мы сами; в Интернете мы с удовольствием общаемся и сотрудничаем с друзьями, коллегами и знакомыми со всего мира. Легкая доступность идей и информации, а также сопутствующие им неформальность, мгновенность и независимость становятся мощными мотиваторами.

Проигравшие — это наши официальные институты: предприятия, школы, университеты и органы госслужбы, которые не могут осознать громадность происходящих перемен. Еще

важнее то, что проигравшими оказались и правительства стран мира, против которых восстали их собственные граждане, не желающие более мириться с секретностью и ложью. Самой наглядной иллюстрацией этого стало падение диктаторских режимов «арабской весны», но есть и множество других. Реакция на появление WikiLeaks и разоблачение в 2013 году спонсированного правительствами США и Великобритании электронного шпионажа указывают на усиливающееся столкновение культур.

Эти институты все еще работают — управляют, торгуют, обучают — на тот мир, которого больше нет и не будет. То, что потребители и граждане теперь становятся менее доверчивыми и больше настаивают на ответственности, ставит их в тупик. Мы хотим, чтобы наши правительства и органы власти были более прозрачными. Мы надеемся, что отношения с компаниями, у которых мы покупаем и в которые мы инвестируем, теперь будут строиться не только на финансовых интересах, но также на социальных и этических.

Как это мы стали такими требовательными? Ответ, на мой взгляд, очень прост: мы стали более умными учениками.

Из-за того что информационные потоки стали быстрее и доступнее, чем раньше, а мы связаны друг с другом лучше, чем когда бы то ни было, преграды на пути к учению разрушаются. Мы все время обмениваемся тем, чему научились, и, как правило, совершенно свободно. То, как мы учимся и у кого мы учимся, изменилось. Наша зависимость от маститых экспертов и авторитетных деятелей уменьшилась, а способность учиться друг у друга неимоверно возросла.

И это очень кстати, потому что мир никогда раньше не оказывался перед таким сложным набором социальных, экономических, политических и экологических вызовов. Они настолько сложны, что правительства и корпорации не в состоянии справиться с ними в одиночку. Они все больше начинают

полагаться на решения, которые предлагают пользователи. Вот почему учение становится таким важным, а то, как мы учимся, должно измениться.

Мы учимся в трех пространствах: в официальных учреждениях (школах и университетах); на работе и дома, на досуге (назовем это социальным пространством). Хотя мы и стали более умными учениками, успехи наши пока неравномерны. Всего за десять лет наше образование в социальном пространстве радикально изменилось — в большей степени потому, что оно вошло в состояние открытости. Сегодня мы узнаем от своих друзей больше, чем когда-либо узнавали в школе и институте. Мы уменьшаем присутствие посредников во всех аспектах своей жизни, чтобы иметь возможность напрямую общаться и иметь дело друг с другом способами, появившимися только в XXI веке. Мы даже создали свою собственную экономику совместного пользования.

За некоторыми важными исключениями, учение на рабочих местах, в школах и университетах остается статичным. Основная мысль, которую я пытаюсь донести до вас на страницах данной книги, — это то, что «открытие» наших институтов выведет учение с огороженных участков на площадки общего пользования и значительно улучшит нашу жизнь.

«Открытость» — явление беспорядочное, а подчас и хаотичное, но она уже не обратится вспять. Она изменила социальную природу того, как мы живем и как мы учимся. Если мы полностью осознаем и используем ее потенциал, работа и учеба начнут больше увлекать и удовлетворять нас, а сами мы сможем лучше приспособиться к неопределенности, с которой столкнемся в будущем.

Глава первая

Состояние дел

2011 год был годом социальной активности. Когда тунисский торговец фруктами Мохаммед Буазизи поджег себя в знак протеста против того, что его весы конфисковала не в меру агрессивная представительница властей, мало кто мог предположить, что этот вроде бы бессмысленный акт самосожжения станет первым цветочком «арабской весны». Массовые протесты, начавшиеся 17 декабря 2010 года после смерти Буазизи, быстро перекинулись из его родного города Сиди-Бузид в столицу — город Тунис, потом охватили Египет, Сирию и Ливию и в итоге затронули почти все страны Ближнего Востока.

Душной августовской ночью восемь месяцев спустя равнодушные, проявленное полицией Тоттенхэма (Лондон) после смертельного ранения Марка Даггана¹, превратило мирную демонстрацию протеста в конфликт. Толпе (состоявшей в основном из родных и друзей Даггана) было отказано во встрече со старшими офицерами полиции. Время шло, напряжение возрастало, протестующие отказывались расходиться по домам. Вскоре к ним присоединилась более агрессивно настроенная молодежь, и к 10 вечера в Тоттенхэме горели магазины, полицейские машины и дома. За четыре следующих дня волнения вспыхнули и в других английских городах. Только в Лондоне ущерб оценили в 300 миллионов фунтов стерлингов. Пять человек погибло, и шокированная этим нация начала докапываться до первопричин. У премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона никаких сомнений не было. Оставив без ответа просьбы о правительственном расследовании, он назвал мятежи «чистой воды преступлениями». Газета Guardian, однако, пришла к совершенно иному заключению. В исследовании под названием «Толкование мятежей», проведенном газетой совместно с Лондонской школой экономики (London School of Economics), 85% из

¹ Пассажир частного такси 29-летний Марк Дагган погиб 4 августа 2011 года в результате перестрелки с полицейскими, которые намеревались провести обыск в автомобиле. — *Прим. ред.*

270 опрошенных протестантов заявили, что важной причиной возникновения мятежей стало агрессивное поведение полиции.

17 сентября Adbusters, самодеятельная «глобальная сеть импровизаторов культуры», призвала к маршу по Нижнему Манхэттену с тем, чтобы «захватить Уолл-Стрит». На призыв откликнулось более пяти тысяч человек. Ученый-антрополог Дэвид Грэбер² (которому приписывают ставший для многих девизом слоган «Нас 99 процентов») убедил протестующих устроить долгосрочную акцию и разбить палатки. К очевидному разочарованию прессы и телевидения, новое движение «Захвати» не захотело следовать привычным стереотипам организованных восстаний — у него не было ни лидеров, ни четко выраженных «требований». По существу, в каждом лагере пытались воссоздать представительную демократию в миниатюре. Скорость, с которой движение распространилось по всему миру, застала врасплох практически все СМИ. К декабрю 2011 года «захватчики» провели 2720 акций более чем в 20 странах.

Весной 2011 года мировой финансовый кризис распространился по странам Евразии подобно эпидемии: сначала он поразил Грецию и Испанию, потом перекинулся на Италию и Португалию. После того как за лето уровень безработицы среди молодежи вырос почти до 60%, молодые испанцы вышли на улицы. В маршах и лагерях протеста приняли участие больше шести миллионов человек — причем не только молодых. По мере падения экономики Греции тут и там вспыхивали спорадические беспорядки. Однако когда летом и осенью 2011 года правительство объявило о введении мер жесткой экономии, демонстрации и протесты стали более масштабными, а их организаторы начали координировать свои действия с акциями «Захвати» по всему миру.

² Дэвид Грэбер, род. 1961 г. — британский антрополог, анархист, один из лидеров движения «Захвати Уолл-стрит». В настоящее время работает в Лондонской школе экономики. — *Прим. ред.*

Все разваливается

Казалось, весь мир рассердился. Однако рассматривать протесты в Северной Африке, Европе и США как серию не связанных друг с другом событий было бы, на мой взгляд, ошибкой. Прежде всего, мы уже это проходили.

В середине XIX века во Франции король Луи-Филипп попытался укрепить свою пошатнувшуюся власть, усилив уже существовавший запрет на общественные собрания. Однако политические активисты придумали оригинальный способ его обойти. Они победили устанавливающий этот запрет закон 1835 года, проведя «кампанию банкетов», то есть оформив свои собрания как частные банкеты (так называемые банкеты реформистов). Пожалуй, французы — единственная нация, которая может сочетать политическую агитацию с хорошей закуской, однако эффект от этих застолий был очень серьезным. Считается, что лозунг «Свобода, Равенство, Братство» родился на одном из таких банкетов — без сомнения, под хорошее вино³.

Популярность этих мероприятий быстро росла, и очень скоро банкеты реформистов стали устраиваться во всех французских провинциях. Короля начали всерьез беспокоить эти общественные (хотя номинально и частные) собрания, и он запретил проведение крупного банкета, запланированного на 22 февраля 1848 года⁴. Оглядываясь назад, можно сказать, что это было не лучшее его решение. Последовавшее за этим запретом возмущение спровоцировало начало революции 1848 года и положило конец царствованию Луи-Филиппа. Передав трон — эту бомбу замедленного действия — своему девятилетнему внуку

³ Девиз «Свобода, Равенство, Братство» (*фр.* Liberté, Égalité, Fraternité) появился в речи Максимилиана Робеспьера «Об организации Национальной гвардии», произнесенной 5 декабря 1790 года в Национальной ассамблее. — *Прим. ред.*

⁴ Формально данный запрет был издан премьер-министром Франсуа Гизо. — *Прим. ред.*

Филиппу, бывший король бежал с ближайшей оказией в Лондон, назвавшись мистером Смитом (я ничего не придумываю!), где и прожил остаток дней, — а в Париже была провозглашена Вторая республика.

В 1848 году восстания и мятежи прокатились по Италии, Швейцарии, Венгрии, Дании, Германии, Ирландии, Польше, Бельгии и даже Бразилии. Их воздействие оказалось не менее значительным, чем эффект домино «арабской весны» 2011 года, пусть даже все восстания одно за другим были подавлены. Однако в большинстве стран эти народные волнения в итоге привели либо к конституционным реформам, либо, как во Франции и России, к масштабным кровавым революциям.

Так же как глобальные возмущения 2011 года, массовые демонстрации 1848 года, казалось, не имели ни общей цели, ни объединяющего мотива; но если всмотреться немного пристальнее, можно найти потрясающие аналогии.

Во-первых, большинство участников восстаний 1848 и 2011 годов принадлежали к одной демографической группе: обеспеченная молодежь, одержимая политическими реформами, и молодые рабочие, грезящие о лучшем качестве жизни. Люди, вышедшие на улицы Туниса, Египта, Йемена и Сирии, были в основном молодыми, обеспеченными и с хорошим образованием, однако к ним скоро присоединились бедные, безработные и необразованные. Точно так же движение «Захвати Уолл-стрит» — две трети участников которого оказались моложе 35 лет — объединило в своих рядах благополучных выпускников престижных университетов с безработными и бездомными. Такой же союз образованных богачей и угнетенных бедняков был отличительной чертой и восстаний 1848 года.

Во-вторых, коалицию интеллигенции и безработных поддерживало стремление не только к перераспределению богатства, но и к полномасштабным изменениям самой системы. Хотя

восставшие и XIX и XXI веков выдвигали особые политические требования, они в первую очередь имели в виду выработку более общих принципов; не случайно Карл Маркс опубликовал свой Манифест Коммунистической партии именно в 1848 году.

В-третьих, идеи, стоявшие за этими новыми социально-политическими движениями, стало возможным пропагандировать с возникновением прорывных, стимулирующих технологий. В середине XIX века появилась популярная пресса — ежедневные европейские газеты: в этот период были основаны французская *Figaro*, итальянская *Corriere della Sera*, немецкая *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Все больше грамотных состоятельных европейцев могли с беспрецедентной доселе скоростью узнавать о протестах и восстаниях.

В 2011 году прорывные технологии были уже цифровыми, впереди СМИ и полиции шли социальные сети и гражданская журналистика, выигрывавшие за счет скорости и оперативности. Прежде чем мэр Блумберг приказал очистить нью-йоркский Зукотти-парк от протестующих из «Захвати», он выгнал оттуда журналистов, попытавшись создать блокаду прессы. Однако я вместе с 700 тысячами зрителей наблюдал зачистку парка в прямом эфире благодаря репортажу Тима Пула на *Upstream*, который он вел со своего смартфона. В Лондоне протестующие смогли обхитрить полицейские отряды при помощи частной системы обмена сообщениями *Blackberry*, а арабские восстания были замечательно задокументированы в *Twitter* и *YouTube*: в 2011 году самым популярным тегом в *Twitter* был «#egypt».

Таким образом, рассмотрев сочетание факторов, сыгравших ключевую роль в конце XIX века: демографическую принадлежность, присутствие высших целей, появление мощных информационных технологий и оживленную контркультуру, — мы не должны были особенно удивиться событиям 2011 года.

Есть свой обед

Повсюду от Тоттенхэма до Туниса и от Сан-Франциско до Сантандера молодые люди чувствуют себя униженными. Они делали то, что им говорили, трудились в поте лица, получили дипломы и все же, отнюдь не по своей вине, сейчас имеют не слишком высокие шансы достичь того же уровня благосостояния, что их родители.

Если, теряя свое будущее, молодежь злится, то все остальные переживают разочарование. К шоку от последствий глобального финансового кризиса добавляется осознание того, что глобализация — это не просто экономическая теория. Она требует своих издержек и человеческих жертв — и, похоже, мы ничего не можем с этим поделать. Действия правительств перекрываются стратегиями транснациональных корпораций.

Когда президент Обама попросил о встрече со Стивом Джобсом, покойным основателем Apple, прежде всего он спросил: «Сколько будет стоить производство айфона в США, а не за океаном?» Джобс с присущей ему прямоотой ответил: «Такие рабочие места никогда не возвращаются». На самом же деле расчеты говорят, что производство айфонов исключительно в США удорожит каждый из них примерно на 65 долларов — не так уж много, и не такое уж немислимое падение маржи для Apple, если речь идет о том, чтобы вернуть в страну рабочие места.

Впрочем, американские рабочие в ближайшее время не начнут собирать айфоны из-за того, что для удовлетворения мирового спроса необходимы слишком высокая скорость и слишком крупные объемы производства. Когда Apple оценивала мировой спрос на айфоны, получилось, что почти девять тысяч инженеров понадобятся только для того, чтобы следить, как производство удовлетворяет спрос. Аналитики сообщили, что нанять такое количество инженеров в США можно будет за девять месяцев; в Китае на это ушло 15 дней. Именно такие истории

заставляют консервативные американские газеты публиковать карикатуры о том, как азиаты «едят обед» с подносов патриотичных, но несколько заторможенных американских граждан.

Если бы Apple выбрала вместо Китая Индию, издержки оказались бы несколько выше, но найти нужное количество подходящих по уровню квалификации инженеров было бы так же просто. Если Китай — крупнейшее в мире производство, то Индия занимает первое место в индустрии, которая представляет собой крупнейшую угрозу обеспеченным родителям из западного полушария, стремящимся к тому, чтобы их дети получили университетское образование, — индустрии знаний.

Миф об экономике знаний

Так вот, о знаниях. Весь смысл революции в образовании состоит, разумеется, в получении и применении знаний с тем, чтобы оставаться экономически конкурентоспособным. Однако и здесь мы исходим из неверных предпосылок. Одна из причин, по которым мы дошли до нынешнего состояния, — наша неспособность предусмотреть, что по мере того, как социальная ценность знаний будет стремительно возрастать (мы увидим это в последующих главах), их экономическая ценность будет так же стремительно падать.

В 1990-е годы когорты футурологов рассказали нам, как на смену промышленной экономике придет экономика знаний, так что нам и карты в руки, поскольку: а) у нас лучшие в мире университеты; б) мы говорим на английском — всемирном языке знаний. Логика заключалась в том, что в будущем знания станут пользоваться самым большим спросом и их ценность будет только расти. Именно эта доктрина в 1997 году побудила Тони Блэра, тогда только избранного премьер-министра Великобритании, объявить тремя приоритетами своего кабинета «образование, образование и еще раз образование».